

РОСМЕР

Жемчуга Гумилева

Наши отцы и деды презирали пышную внешность версификации, но это имело хорошие стороны: в примелькавшихся одеждах терялось обычное и тусклое, душевно большое умело себя выкричать.

Наше время воскресило культ формы. Ставшее банальным наследие недавней старины предано насмешке, властителями опять возглашены гении давнего прошлого. Бесконечно изощрены рифмы и размеры. Пишутся специальные исследования о лирическом ритме.

Что же открылось на этих новых путях? За яркостью формы — пустота души, которой нечего сказать. За пестрыми обложками стихотворных сборников — вялость и бедность, бескровная изысканность, утонченность без тонкости.

За пестрой обложкой книги Н. Гумилева больше 150 страниц стихов. Здесь и античность, и средневековье, и Азия, и Африка, и раджи, и маги, и маркизы, и конквистадоры и больше 60 разных зоологических названий, — нет только биения живого сердца. Здесь все необычайно: тропический полдень — полярный холод — легенда — сказка, но увы! это внешняя необычайность. Под каждой расцвеченной личиной — слишком обычное лицо равнодушного эстета. Кажется, вот сейчас оживится, зажжется, явит душу это лицо (иные страницы «Жемчугов» будят эту надежду: — «Орел», «Сон Адама» в конце), вот грандиозная сказка «Карабас», но уже на следующей странице:

Что же тоска нам сердце гложет?
Что же пытаем бытие?
Лучшая девушка дать не может
Больше того, что есть у нее¹.

Здесь и вялость, и дерзкая развязность. Ученик бесстрастного Брюсова, Гумилев умеет улыбаться, но у него неприятная и не-

чистая улыбка. Гумилев пишет балладу о Христе², одно из своих стихотворений он кончает: «потому, что я люблю тебя, Господи»³, но мы не верим его религиозности. Если бы это была правда, он бы не мог написать «все мы смешные актеры в театре Господа Бога», «Дева Мария довольна, смотрит склоняясь в либретто» (с. 37)*⁴. Не стал бы щеголять ребяческим демонизмом (Адам. Портрет мужчины).

И разве не характерно, что в книге молодого поэта почти нет любовных мотивов, а если есть — это и холодно, и не просто, и не свое. Тютчев сказал о любви вещие слова: «и роковое их слиянье, и поединок роковой». Тема «поединка» у Брюсова и исчерпана и искажена, а на пути от Брюсова к Гумилеву роковой поединок выродился в какой-то английский бокс. И когда читаем у Гумилева, что «стоны любви будут стонами мук, поцелуи — окрашены (!) кровью»⁵ — это нас уже не трогает. А все-таки один женский образ из «Жемчугов» должен запомниться! Это образ девушки, к которой ласкается кенгуру, и которая в конце стихотворения восклицает:

Я хочу к кому-нибудь ласкаться,
Как ко мне ласкался кенгуру! (с. 34)⁶

Быть может эти строки — лучший образец того зоологического направления, которое приняла любовная лирика современности.

Целый отдел книги посвящен смерти. Но читаем: «И будет страшен труп забытый, как пес, раздавленный быком», — и нам не очень страшно. А в том месте, где умирающий слушает треск собственных костей (с. 6), становится даже весело⁷.

Впрочем, зачем Гумилеву любовь и смерть? Темы его и так неисчерпаемы. Из тысячелетий мировой истории затронуто едва несколько столетий. Почти не использована Австралия. Многие животные породы не упомянуты ни разу.

А ведь не под тропиками и не у полюсов, а в любом уголке нашей родины любят, молятся, гибнут и тянутся к свету людские души. Но что знает об этом Гумилев?

Хуже всего, что пустота содержания в «Жемчугах» скрыта нарядной тканью не безукоризненной ценности, и золото его убора — часто фальшивое золото.

Наряду с ловко придуманными рифмами (Гектор — нектар, былое — алоэ, флейте — налейте) и недурными ассонансами

* Страницы проставлены автором статьи по первому изданию «Жемчугов» (ред.).

встречаются ассонансы совершенно безвкусные (юности — тоску нести)⁸. Очень слаба музыкальная сторона стихов, нагромождение согласных делает их подчас непроизносимыми (обовьет, как тканью, уходишь в славе, загорелось в сдвинутых бровях)⁹. Иные строчки памяты своим комизмом («На руке моей перчатка, и ее я не сниму». «Музы! в сонете-бриллианте странную тайну отметьте, спойте мне песню о Данте и Габриэле Росетти». «Ты верить не хочешь во что-нибудь кроме дождя». «Ты плачешь? послушай: далеко на озере Чад изысканный бродит жираф»)¹⁰. Лучшая характеристика поэзии Гумилева в четырех строках его стихов:

У нас, как точеные руки,
Красивы у нас имена,
Но мертвой, мучительной скуке
Душа навсегда отдана¹¹.

